

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СТИЛЕМ НИКОЛАЯ БАХТИНА

© Коровашко Алексей Валерьевич (2020), ORCID: 0000-0001-7623-3888, SPIN-код: 9423-5439, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия, 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина 23), welt20062@yandex.ru

Многие деятели культуры и искусства находятся в «тени» своих более знаменитых родственников и друзей, что затрудняет объективную оценку их творчеству (можно, например, вспомнить судьбу Александра Павловича Чехова, Владимира и Николая Бурлюков, П.Н. Медведева и В.Н. Волошинова). Именно такая ситуация сложилась вокруг Николая Михайловича Бахтина – старшего брата Михаила Михайловича Бахтина. Изучение его творчества осложняется еще и тем, что оно было чрезвычайно разножанровым и разноплановым, включая в себя и философскую эссеистику, и работы в области изучения художественного слова, и поэтические опыты, лингвистические исследования, посвященные истории греческого языка. Кроме того, полноценному осмыслению личности и творчества Николая Бахтина мешают пробелы в наших знаниях о его биографии: свидетельств, относящихся к дореволюционному периоду жизни старшего брата М.М. Бахтина, сохранилось очень мало, а его архив, находящийся сейчас в Великобритании (Н.М. Бахтин провел там последние двадцать лет своей жизни), до сих пор почти не изучен. Настоящая статья призвана пролить свет на стилистические особенности эссеистики Н.М. Бахтина, печатавшейся на страницах парижской эмигрантской периодики второй половины 1920-х гг., и указать на некоторые параллели и сходства, связывающие ее, с одной стороны, с ранними работами М.М. Бахтина («Искусство и ответственность», «К философии поступка», «Автор и герой в эстетической деятельности»), а с другой – с неокантианской философией. Выявляются также риторические приемы в статьях Н.М. Бахтина, предвещающие его переход на леворадикальные позиции, окончательно свершившийся в конце 1930-х гг.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Н.М. Бахтин, неокантианство, Герман Коген, ответственность.

Биография и научное наследие Николая Бахтина (1894–1950) могут изучаться в самых разных аспектах. Его лингвистические работы ждут объективной оценки, сформулированной историком языкознания. Литературоведческие воззрения Бахтина-старшего должны быть рано или поздно подробно сопоставлены с теориями художественного слова, разработанными и русскими символистами, и представителями формальной школы. Его эссеистика 1920-х

годов обладает несомненной значимостью для постижения путей развития отечественной философской мысли в период между двумя мировыми войнами. Корпус поэтических произведений Николая Бахтина, до сих пор почти не изданных, требует исследований, призванных поместить его в литературный контекст соответствующей эпохи. Наконец, политические взгляды Николая Бахтина, обернувшиеся превращением активного участника Белого движения в члена Коммунистической партии Великобритании, предполагают обращение к его текстам и поступкам тех, кто занимается разысканиями в области социальной и культурной истории первой половины минувшего столетия.

Задачи, поставленные в настоящей статье, не соотносятся с монографическим изучением какой-либо темы из числа упомянутых выше. Они, по сути дела, сводятся к фиксации некоторых дискурсивных «пристрастий» Николая Бахтина, проливающих свет на его философскую и литературную позицию, а также заставляющих по-новому посмотреть на соотношение общего и частного в речевых практиках близких ему по духу мыслителей.

Говоря о последних, мы, прежде всего, разумеется, имеем в виду Михаила Бахтина. Если мы обратимся к самому первому печатному выступлению Бахтина-младшего, статье «Искусство и ответственность» (1919), то без труда найдем в ней нечто близкое к тому, что Бахтин-старший неоднократно проговаривал в своей философской эссеистике.

Так, в «Разговоре первом» из диалога «Об оптимизме» (1927) собеседник, наделенный не именем, а условным обозначением посредством буквы А, признается: «Вот почему, еще до всякого вопроса о метафизических или иных основаниях оптимизма, я испытываю какую-то почти физическую брезгливость к оптимистам всех толков. У всех – и особенно у оптимистов возвышенно-мистического типа – есть, знаете, эта специфическая черточка какой-то опасно-наглой уверенности, какая бывает у непорядочных игроков, привыкших делать ставки «только на верняка»... И потом, это трусливое старание спрятаться за спину того высшего смысла, во имя которого они избрали и приняли бытие; это желание *сложит с себя часть ответственности за выбор*¹, представить

¹ Здесь и далее выделение полужирным шрифтом и курсивом принадлежит нам. – А.К.

себя пассивным, следующим чему-то, согласующимся с чем-то... <...> Словом, в основе всякого оптимизма мне чувствуется духовная нечистоплотность, которая делает его для меня неприемлемым, помимо и раньше всяких других соображений. И если я избрал бытие, то не ищу себе в этом никаких оправданий, не утешаю себя никакими надеждами, и *до конца принимаю на себя одного всю тяжесть и всю ответственность своего избрания*» [Бахтин 2008, 105].

В статье «Относительность самосознания», представляющей собой рецензию на одноименную книгу французского психоаналитика Анжело Луи Мари Эснара (1886–1969), Николай Бахтин ведет речь о той инстанции в структуре человеческой личности, которая специализируется на управлении ответственностью (делается это им с оглядкой на фрейдовскую типологию): «Самосознание обречено, таким образом, вечно объяснять и тем оправдывать все, что доходит до него из подсознательного; оно *принимает на себя ответственность за все, что происходит в субъекте (ответственность, обычно иллюзорную)*» [Бахтин 2008, 128].

В эссе «Шарль Моррас» (1925), посвященном разбору взглядов знаменитого правого мыслителя, Николай Бахтин говорит не столько об ответственности, сколько о пагубных последствиях противоположного ей явления: «"Чистое мышление", "чистое искусство", даже "чистая религия" и "этика чистой воли"²... – так, одна за другой, все творческие силы культуры очистились от соприкосновения с реальностью, ушли от нее, *гордые своей безот-*

² Последняя из закавыченных Н. Бахтиным фраз представляет собой, в отличие от предыдущих, не речевое клише, утвердившееся в лексиконе современных ему гуманитарных наук, а название второго тома трилогии Германа Когена «Система философии», опубликованного в 1904 г. Впрочем, если мы вспомним названия первого и третьего томов данного труда («Логика чистого познания» (1902) и «Эстетика чистого чувства» (1912)), то увидим, что они коррелируют с остальными словосочетаниями, закавыченными Н. Бахтиным. Так, «чистое мышление» будет соотноситься с «Логикой чистого познания», а «чистое искусство» – с «Эстетикой чистого чувства». Возникает закономерный вопрос: есть ли в названиях философских трудов Германа Когена какой-то коррелят выражению «чистая религия»? На вопрос этот надо ответить положительно, поскольку упомянутое выражение легко «зарифмовать» с заглавием работы Когена «Понятие религии в системе философии» (1915). Таким образом, эссе Н. Бахтина, посвященное Моррасу, содержит в себе своеобразное «прощание» с неокантианством, одним из лидеров которого был Коген.

ветственной свободой» [Бахтин 2008, 148]. Свободу чего бы то ни было, согласно Николаю Бахтину, ошибочно считать чем-то безусловно положительным, гордо сопротивляющимся накладываемым извне ограничениям. Убежденный в том, что «культура сплошь принудительна» [Бахтин 2008, 68], он отрицает положительный характер даже такого, казалось бы, благого качества, как свобода мысли: «Что такое свобода мысли? Это – *стремление безответственно и бесконечно искать, блуждать, сомневаться*; это – нежелание остановиться, закрепить себя в реальности, откристаллизироваться в догмате, стать силой движущей и устрояющей. Но именно в этом – назначение подлинной мысли. <...> Иначе познание из творческого начала становится пустой свободой любопытства и сомнения» [Бахтин 2008, 149].

Соприкосновение мысли с реальностью, ее закрепление в ней Николай Бахтин в другой своей работе, в эссе «Четыре фрагмента» (в первом его разделе – «Мудрость осязания»), рассматривал как неотъемлемое условие всякого познания, которое, стремясь «вернуться к древнейшей цельности», должно обладать «живой причастностью миру» [Бахтин 2008, 57]. В этих гносеологических декларациях нетрудно обнаружить перекличку с программой вытеснения «рокового теоретизма», бесплодного и безответственного, участным мышлением, предложенной Михаилом Бахтиным в трактате «К философии поступка». Кроме того, в «Авторе и герое в эстетической деятельности»³ он подчеркивает, что только «изнутри причастного бытию сознания мир есть предмет поступка, поступка-мысли, поступка-чувства, поступка-слова, поступка дела» [Бахтин 2003, 173].

Регулярно встречается в эссеистике Николая Бахтина словесная формула, постулирующая, что любое явление нам не дано, а задано. Своим происхождением формула эта обязана философии Германа Когена, рассматривавшего процесс человеческого познания как постоянное, никогда не завершаемое приближение к его предмету. В романе Константина Вагинова «Козлиная песнь» (1928) ее «глашатаем» является философ Андреевский, прототипом которого считал себя Михаил Бахтин. Причем именно фраза о том,

³ И «К философии поступка», и «Автор и герой в эстетической деятельности» – все это названия, присвоенные соответствующим бахтинским рукописям их публикаторами.

что «мир задан, а не дан; реальность задана, а не дана» [Вагинов 1989, 81], произносимая едущим в поезде Андреевским, давала Бахтину-младшему право на соотнесение с ним (слова когенианской «выделки» он воспринимал как отличительную черту своего идиостиля⁴). Соотнесение это можно подкрепить ссылками на конкретные бахтинские тексты, в которых указанное противопоставление фигурирует в качестве аргументативного приема⁵. Однако к антитезе данного и заданного Николай Бахтин тяготел не в меньшей степени, чем его младший брат.

Например, в эссе «Поль Валери – мыслитель» (1925) он утверждает: «*Мир не дан, но лишь задан нам*; то, что мы называем бытием, есть лишь смутная возможность бытия, ждущая от нас своего осуществления. Художник не воссоздает, но впервые создает подлинно реальный космос» [Бахтин 2008, 38]. Двумя годами позже Николай Бахтин, предваряя публикацию фрагментов французского писателя в эмигрантской газете «Звено» (Париж), отмечал: «Эти отрывки, как и те записи из "Личных тетрадей", что появлялись раньше, в каком-то смысле даже более характерны для Валери, чем его законченные и внешне упорядоченные вещи. Творчество Валери фрагментарно по самой своей природе – не "афористично", но именно фрагментарно, случайно. Ведь афоризм всегда однозначно и твердо закрепляет момент какого-то пути; он – часть, у которой должно быть свое место в целом. Только самим мыслителем это *целое не дано, а лишь предугазано и задано читателю*: читатель обязан соучаствовать в строительстве, и лишь постольку данные ему части приобретают жизнь и ценность» [Бахтин 2008, 234]. Тогда же выходит эссе Николая Бахтина «Ницше и музыка», в котором когенианская критика понятия «заданности» становится фундаментом философской антропологии: «...Человек *дан самому себе* как текучее и неоформленное множество противоречивых и смутных тенденций, но *задан себе* – как завершенное

⁴ «Вот где философ едет в поезде, – это точно я», – настаивал М.М. Бахтин, беседуя в 1972 г. с исследователем культурной жизни Петрограда Н.И. Николаевым [Никольская, Эрль 1991, 551].

⁵ В «Авторе и герое в эстетической деятельности» мы, в частности, сталкиваемся с рассуждением о том, что «только внутреннее тело – тяжелая плоть – дано самому человеку, внешнее тело другого задано: он должен его активно создавать» [Бахтин 2003, 129].

и божественно-простое единство иерархически-соподчиненных сил» [Бахтин 2008, 39].

Вряд ли можно согласиться с мнением, что Николай Бахтин «как бы запаздывал в своем развитии, повторяя многое из того, что Михаилом было уже сказано, написано, обдуманно» [Осовский 1991, 49]. Эссеистика Бахтина-старшего, создававшаяся во второй половине 1920-х гг., действительно хронологически отстает от уже упоминавшихся трактатов Бахтина-младшего «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности» (работа над ними датируется, пусть и приблизительно, периодом с 1922 по 1924 г.⁶). Но, во-первых, эти трактаты были опубликованы уже после смерти М.М. Бахтина, а во-вторых, Н.М. Бахтин, находившийся в эмиграции и лишенный возможности общаться с младшим братом, не мог получить к ним доступ даже в рукописном виде. Следовательно, с куда большим основанием можно предположить, что в своих эссе Николай Бахтин развивал мысли, обдуманные еще до революции и «обкатанные», скажем так, в разговорах с близкими друзьями и братом Михаилом. В любом случае возможность идейного и стилистического влияния Николая Бахтина на Бахтина Михаила значительно выше, чем возможность обратного воздействия.

В пользу такого предположения говорит и то, что между текстами братьев Бахтиных существуют переклички на уровне малых словесных конструкций и форм, выходящих за пределы собственно философской терминологии и обусловленных, скорее, общими стилистическими «привычками», выработанными в ходе их личного общения. Так, в диалоге «Об оптимизме», который мы уже использовали для подбора иллюстративного материала, есть такая фраза: «Все собирается и стягивается вокруг одного центра» [Бахтин 2008, 102]. Но эта конструкция задействована М.М. Бахтиным и в трактате «К философии поступка». Мы сталкиваемся с ней и тогда, когда он говорит об архитектонике мира человеческого поступка («**Все** пространственно-временные и содержательно-смысловые ценности и отношения **стягиваются** к этим эмоционально-волевым **центральному моментам**: я, другой и я для дру-

⁶ В это время Николай Бахтин, завербованный в Иностранский легион, сначала воевал в Северной Африке, а потом залечивал полученные там ранения в военных госпиталях. До занятий философией ему тогда, конечно же, не было дела.

гого» [Бахтин 2003, 49–50]), и тогда, когда анализирует стихотворение А.С. Пушкина «Для берегов отчизны дальной...» («**Все** конкретные моменты архитектуры **стягиваются к двум ценностным центрам** (герой и героиня) и равно объемлются утверждающей ценностной человеческой эстетической активностью в едином событии» [Бахтин 2003, 62]).

Весьма показательным для доказательства наличия у братьев Бахтиных общих стилистических «привычек» является, с нашей точки зрения, их обращение к одному довольно редкому образцу русского пословичного жанра. В эссе «Относительность самознания», о котором у нас также шла речь ранее, Николай Бахтин цитирует Эснара, сформулировавшего закон «аффективной локализации», суть которого сводится к тому, что «человек проецирует во внешнюю реальность глубинные вариации своего аффективного аппарата совершенно так же, как он неизбежно локализует в оконечности нерва раздражение, вызванное искусственно в любой его точке» [Бахтин 2008, 129]. Но перед тем как воспроизвести это строго научное определение, он дает его, условно говоря, образную транскрипцию: «Эснар проверяет действие этого закона на фактах общей психологии – действие в значительной степени плодотворное, поскольку оно выражает стремление к нормальной ассимиляции и приспособлению. Оно налично повсюду, в фактах самых банальных и самых сложных: эта услужливая "логика страсти", готовая обосновать все, что подскажет аффект; эти "аффективные иллюзии", смысл которых крепко отчеканен в нашей поговорке: "**Не по-хорошу мил, а по-милу хорош**"; наконец, художественное творчество, моральные, метафизические и религиозные системы – символические интерпретации неких существенных тенденций нашего "большого Я"» [Бахтин 2008, 128].

Однако эту же поговорку, повторим, далеко не самую распространенную, требующую едва ли не расшифровки для большинства носителей русского языка, Михаил Бахтин привлекает, рассуждая в трактате «К философии поступка» об эстетической любви как о главном принципе эстетического видения: «Ценностное многообразие бытия как человеческого (соотнесенного с человеком) может быть дано только любовному созерцанию, только любовь может удержать и закрепить это много- и разнообразие, не растеряв и не рассеяв его, не оставив только голый остов основных линий и смысловых моментов. Только бескорыстная любовь по принципу

"не по хорошу мил, а по милу хорош", только любовно заинтересованное внимание может развить достаточно напряженную силу, чтобы охватить и удержать конкретное многообразие бытия, не обеднив и не схематизировав его» [Бахтин 2003, 58–59].

Правда, Николай Бахтин в своих теоретических построениях предпочитал превозносить не любовное созерцание и бескорыстную любовь, а вещи куда более конкретные, связанные с материальной (его брат сказал бы: материально-телесной) стороной эротического влечения. В «Четырех фрагментах», и вновь в самом первом их разделе, «Мудрости осязания», он фактически сексуализирует познавательную деятельность, уподобляя гносеологический акт акту физической любви: «Живое, никогда не обманывающее знание; жадное прикосновение к вещи, овладение вещью, непосредственное общение с плотью вещи – осязание осталось всецело верным древнейшей, исконной природе познания – природе эротической. <...> Познать этот мир, как знают тело любимой: всей мудростью осязающего вожделения» [Бахтин 2008, 57].

Но не только гносеология должна быть, по мнению Николая Бахтина, проникнута эротическими импульсами. Того же самого он ждет и от искусства, особенно от искусства словесного. В эссе «Пути поэзии» (1925) он провозглашает: «Человечество, женственное по своей сущности, ждет от искусства мужественного и оплодотворяющего насилия; ему не нужны утонченные игры мечтательных кастратов. Вернуть поэзии ее действительную, заклинательную и эротическую природу – или ей не быть: такова дилемма, с неизбежностью предстоящая поэту» [Бахтин 2008, 34].

В этом программном заявлении можно усмотреть параллели к не менее радикальным лозунгам, выдвигавшимся представителями русского авангарда. Виктор Шкловский, например, в заметке «Вышла книга Маяковского "Облако в штанах"» (1915) сожалел, что современное «искусство, не спариваемое больше с жизнью <...>, мельчает и вымирает» [Шкловский 1990, 42].

Близость похвалы мужественному и оплодотворяющему насилию, имеющему к тому же эротическую природу, к сожалениям о прекращении «спаривания» искусства с жизнью не свидетельствует, разумеется, о какой-либо зависимости послереволюционных настроений Николая Бахтина от футуристических манифестов 1910-х гг. Но это сходство демонстрирует, что Бахтин-старший имел склонность к радикализму во взглядах и поступках, причем

радикализму ничем не ограниченному. Благосклонное отношение к насилию, в каких бы формах оно ни проявлялось, делает более понятным и мотивированным вступление Николая Бахтина в коммунистическую партию Великобритании в конце 1930-х гг.

Больше того, если мы присмотримся к его текстам 1920-х гг., то увидим, что в них уже есть зерна будущего «обольшевичивания», хотя их автор в этот момент занимал крайне антибольшевистскую позицию («Он очень сердитый, и не любит большевиков и Марселя Пруста», – писал о Николае Бахтине в 1925 г. Константин Мочульский [Бахтин 2008, 226]). Например, в эссе «Современность и фанатизм» (1925) мы находим такое напоминающее лозунг высказывание: «Мы узнали, как хрупки и бессильны наши призрачные богатства – мудрость книжников и совопросников – перед лицом самой косной, самой тупой, – но конкретной силы. Только идея, подлинно ставшая реальностью, доросшая до осязательной конкретности, закалившаяся до целостного исповедания – только такая идея способна противопоставить себя механическому омертвлению, грозящему Европе изнутри, и силам хаоса, наступающим на нее извне, с Востока. Тлеющая европейская мысль, если она не хочет быть угашенной до конца, должна вновь разгореться в пламя, в новый фанатизм» [Бахтин 2008, 7]. Нечто аналогичное проповедуется Николаем Бахтиным и в эссе о Шарле Моррасе (1925), где он сочувственно цитирует последнего: «Идея – это воля, которая жаждет воплотиться, овладеть людьми и обществом, строить, направлять. Ничего неограниченного, безразличного, неопределенного» [Бахтин 2008, 149].

Трудно отделаться от ощущения, что и в собственных словах Николая Бахтина, и в словах чужих, используемых им как собственные, звучит то, что можно было бы назвать «ленинскими нотками». Это объясняется неизбежным проецированием приведенных выше фрагментов на знаменитый тезис В.И. Ленина, выдвинутый им в брошюре «Удержат ли большевики государственную власть?» (1917): «Идеи становятся силой, когда они овладевают массами. И именно теперь большевики, т. е. представители революционно-пролетарского интернационализма, своей политикой воплотили ту

идею, которая двигает во всем мире необъятными трудящимися массами» [Ленин 1969, 332].⁷

Таким образом, эссеистика Николая Бахтина хранит в себе отголоски как того неокантианского «плетения словес», которое было в ходу еще до Первой мировой войны, так и тех тенденций, которые возникли уже под ее непосредственным влиянием и заключались в решительном отбрасывании умозрительных ценностей прежней культуры. После кровавых событий, запущенных Сараевским убийством, «привычные схемы, столь удобные для петербургских медитаций⁸, изобличили свое бессилие перед зрелищем подлинной жизни и смерти и случая, изорвались в клочья от соприкосновения с реальными вещами» [Бахтин 2008, 104]. Чтобы это соприкосновение перестало быть опасным и травматичным для человека, он, по мысли Николая Бахтина, должен научиться брать на себя ответственность за насильственную переделку окружающего мира. Отказ от риторических привычек, выработанных чтением Германа Когена, и выбор словесного «оружия» из арсенала радикальной политической философии – один из этапов этой «учебы».

Источники

Бахтин 2003 – Бахтин М.М. *Собрание сочинений. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов.* М., 2003.

Бахтин 2008 – Бахтин М.М. *Философия как живой опыт. Избранные статьи.* М., 2008.

Вагинов 1989 – Вагинов К.К. *Козлиная песнь; Труды и дни Свистонова; Бамбочада.* М., 1989.

Ленин 1969 – Ленин В.И. *Полное собрание сочинений.* Издание пятое. Том 34. М., 1969.

⁷ Тезис этот восходит к статье Карла Маркса «К критике гегелевской философии права» (1844), в которой есть следующие рассуждения: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой, но теория становится материальной силой, как только она овладевает массами. Теория способна овладеть массами, когда она доказывает *ad hominem*, а доказывает она *ad hominem*, когда становится радикальной» [Маркс 1955, 422].

⁸ Под «петербургскими медитациями» имеются в виду, скорее всего, дореволюционные и довоенные собрания различных литературных и религиозно-философских кружков, а также индивидуальная творческая деятельность их участников.

Маркс 1955 – К. Маркс и Ф. Энгельс. *Сочинения*. Издание второе. Том 1. М., 1955.

Литература

Никольская, Эрль 1991 – Никольская Т.Л., Эрль В.И. *Примечания* // Вагинов К.К. *Козлиная песнь: Романы*. М., 1991. С. 544–591.

Осовский 1991 – Осовский О.Е. *«Неслышимый диалог»: биографические и научные созвучия в судьбах Николая и Михаила Бахтиных* // Бахтин и философская культура XX века (Проблемы бахтинологии). Сборник научных статей. Выпуск первый. Часть 2. С.-Петербург, 1991. С. 43–51.

Шкловский 1990 – Шкловский В.Б. *Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914 – 1933)*. М., 1990.

FROM OBSERVATIONS ON NIKOLAI BAKHTIN'S STYLE

© **Korovashko Alexey Valerievich** (2021), ORCID: 0000-0001-7623-3888, SPIN-code: 9423-5439, Doctor of Philology, professor, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhnij Novgorod, 603950, Russia), welt20062@yandex.ru

Many cultural and artistic figures are sometimes in the "shadow" of their more famous relatives and friends, and this makes it difficult to assess their work objectively (one might for example recall the fate of Alexander Pavlovich Chekhov, Vladimir and Nikolai Burlyukov, P.N. Medvedev and V.N. Voloshinov). This is precisely the situation around Nikolai Mikhailovich Bakhtin, the elder brother of Mikhail Mikhailovich Bakhtin. The study of his work is further complicated by the fact that it was extremely multigenre and multidimensional, including philosophical essay writing, works in the field of the study of fiction, poetic experiments, and linguistic research on the history of the Greek language. In addition, gaps in our knowledge about Nikolai Bakhtin's personality and work impede a full-fledged understanding of his biography: very little evidence has survived from the pre-revolutionary period of his older brother, M.M. Bakhtin, and his archive, which is now in the UK (N.M. Bakhtin spent the last twenty years of his life there), and has still remained largely unstudied. The article considers the stylistic peculiarities of N.M. Bakhtin's essay writing which was published in the Parisian émigré journals in the second half of the 1920s. It also provides some parallels and similarities which on the one hand link it to the early works of M.M. Bakhtin (*Art and Responsibility, Towards the Philosophy of Action, The Author and the Hero in Aesthetic Activity*), as well as to the Neocantian philosophy. The article also reveals rhetorical devices in N.M. Bakhtin's writings

which foreshadowed his move to leftist-radical positions and which finally took place in the late 1930s.

Keywords: M.M. Bakhtin, N.M. Bakhtin, Neo-Kantianism, Hermann Cohen, responsibility.

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Осовский 1991 – Osovskiy O.E. «*Neslyshnyy dialog*»: *biograficheskiye i nauchnyye sozvuchiya v sud'bah Nikolaya i Mikhaila Bakhtinykh*. Bakhtin i filosofskaya kul'tura XX veka (Problemy bakhtinologii). Sbornik nauchnykh statey.vol. 1, part 2, Saint-Peterburg, 1991, pp. 43–51. (In Russian).

(Monographs)

Никольская, Эрль 1991 – Nikol'skaya T.L., Erl' V.I. *Primechaniya* [Notes]. Vaginov K.K. *Kozlinaya pesn': Romany* [Goat Song: Novels]. Moscow, 1991, pp. 544–591. (In Russian).

Шкловский 1990 – Shklovskiy V.B. *Gamburgskiy schet: Stat'i – vospominaniya – esse (1914 – 1933)* [Hamburg Account: Articles - Memories - Essays (1914 - 1933)]. Moscow, 1990. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.08.2021